

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »

СПЕЦНАЗ

Максим ШАХОВ

КОНТЕЙНЕР
СО СМЕРТЬЮ

Максим Шахов
Контейнер со смертью

«ЭКСМО»

2012

Шахов М. А.

Контейнер со смертью / М. А. Шахов — «Эксмо», 2012

Спецслужбам России стало известно, что арабский террорист Хайяни готовит очередной теракт с применением биологического оружия. В далекую Венесуэлу отправляется группа спецназовцев под командованием полковника Рослякова с заданием сорвать теракт и обезвредить преступника. Все планы наших бойцов спутало землетрясение, но контейнер со смертельным вирусом оказывается в руках Рослякова. И теперь полковник становится главным объектом охоты и террористов, и агентов ЦРУ...

© Шахов М. А., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Максим Шахов

Контейнер со смертью

Глава 1

Грегори Хогган понял, что пришло время действовать. Вот он миг, ради которого он – офицер ЦРУ капитан Хогган – и был внедрен в окружение Бен аль Хайяни. Два года прошло с тех пор, как молодой микробиолог Грегори Хогган «клянул» и согласился работать на террористов. Два года работы в подпольной лаборатории на второстепенных ролях, два года кропотливой работы с одной целью – заслужить доверие Хайяни и разгадать загадку лаборатории. Почти два года Хогган пытался понять, что же является конечной целью исследований, которые проводились в лаборатории. Два года он безвылазно сидел в подвалах полуразрушенного старинного испанского особняка в предместьях Сан-Мигеля в Венесуэле, где была спрятана лаборатория. Два года без связи, без контактов с внешним миром. Два года Хогган изображал трудолюбие, подогретое сознанием, что его банковский счет из месяца в месяц пухнет от переводимых на него сумм.

Микробиолог Хогган радовался, что скоро истечет его двухгодичный контракт и он выйдет из этих подвалов весьма состоятельным человеком. Но офицер спецподразделения по борьбе с международным терроризмом Хогган прекрасно понимал, что из этих подвалов его никто и никогда не выпустит. И все два года разведчик кропотливо и тщательно готовился к побегу, разрабатывая вариант за вариантом. Все варианты должны быть очень надежными, потому что побег будет необходим только тогда, когда в руках Хоггана будут не только неопровержимые доказательства преступной деятельности лаборатории, но и сам итог этой работы. И побег должен быть успешным. Успешным с одной попытки, потому что второй у Хоггана не будет.

Эту лабораторию американские спецслужбы искали давно. Мало того, что они очень серьезно отнеслись к заявлению Бен Ладена, когда он еще был жив, что после теракта 11 сентября США ждет еще более страшное возмездие. Спецслужбы оперативным путем установили, что подготовка к масштабной акции Аль-Каиды готовится где-то недалеко от границ США. Было уделено самое пристальное внимание наиболее мутным и темным с политической и криминальной точек зрения регионам. Удалось засечь и деятельность эмиссаров Аль-Каиды по поиску и привлечению специалистов в области микробиологии, медицины и нано-биомедицинских технологий. Предположение о характере готовящегося теракта было настолько ужасающим, что операция по внедрению своего человека проводилась с привлечением большого количества сил и средств. Лишь единицы участников этой глобальной операции знали ее истинные цели.

Самым сложным было проследить перемещения Грегори Хоггана. Должна была существовать подпольная лаборатория. Попасть в нее было половиной дела для разведчика. Нужно было еще и сообщить о месте ее расположения. Спецслужбы сразу же отказались от обычных средств связи, которые террористы могли легко обнаружить. Это привело бы не только к гибели самого Хоггана, но и к срыву всей операции. Любой радиомаяк, вмонтирован ли он в пломбу зуба или вживлен под кожу, легко фиксируется определенной аппаратурой, которая вполне могла быть у террористов. Были предложения по облучению одежды и даже тела Хоггана с помощью специальной аппаратуры. В результате он сам становился излучателем волн определенной длины. Но террористы могли засечь и это необычное свойство тела новообращенного молодого ученого. Правда, излучение продержалось бы всего несколько дней, а при больших дозах это привело бы к смерти Хоггана в течение двух-трех недель.

Спецслужбы пошли более простым с точки зрения исполнения путем. Но путь этот был настолько масштабным, что сравнить его можно было только с подготовкой участия президента Рузвельта к Конференции глав государств союзников в Тегеране в 1943 году. У Хоггана был радиомаяк, но избавиться от него он должен был в случае первой же опасности. Важно было выяснить хотя бы страну, в которую разведчика доставят террористы. На этот случай во всех странах была задействована резидентура ЦРУ. Тысячи секретных сотрудников днем и ночью ждали короткого пароля, который мог прозвучать от человека лично, по телефону или был бы доведен другими способами. В эту же секунду срабатывал общий сигнал начала операции по спасению Хоггана и переправке его в США. К этой операции, правда, по определенной легенде, были привлечены и официальные силы полиции всех стран, где ожидалось появление Хоггана. Дело оставалось за немногим. Выбраться на свободу, добраться до телефона или ближайшего участка полиции. Во всех случаях мгновенно запустится механизм операции, который обеспечит появление надежного прикрытия в течение максимум тридцати минут.

В тот воскресный день десятого января Хоггану объявили, что работа близится к завершению. Молодой ученый искренне обрадовался тому, что ему на банковский счет перечислили внеплановую сумму в виде премии. Но капитан Хогган понял, что недалек тот день, когда от него избавятся как от опасного свидетеля. Именно на этот случай разведчик и берег свой козырной ход в этой смертельной партии. Этот ход должен был отсрочить возможную расправу над ним и дать возможность реализовать финальную часть операции. Это было продуманное, выверенное, тщательно обоснованное заявление о возможности усовершенствования выращенного в лаборатории вируса с высокими мутагенными свойствами. В этом заявлении Хоггана совсем чуть-чуть упоминалось и о риске нежизнеспособности нового вируса в условиях техногенного загрязнения огромных современных мегаполисов. Это должно было отсрочить не только смерть самого Хоггана, но и выход конечного продукта из стен лаборатории.

Этот ход сработал. Как выяснилось, сработал он в самый последний момент. Хогган чуть было не пропустил момент, когда вирус должен был быть вывезен из стен лаборатории. Сам Бен аль Хайяни в этот воскресный день прибыл в Сан-Мигель. Сообщение молодого ученого насторожило террориста. Из его слов Хогган понял, что все отменяется и назначается совещание с его, Хоггана, докладом. Какой-то подозрительный чемоданчик снова вернули в одну из комнат с большой холодильной камерой. Теперь все стало ясно наверняка.

«...а сейчас об информации, которая поступила к нам в студию, о последствиях землетрясения в Венесуэле, произошедшего 12 июня в 16 часов 53 минуты по местному времени. По сведениям ученых, эпицентр находился в 22 километрах к юго-западу от небольшого города Сан-Мигель, гипоцентр на глубине 13 километров. После основного толчка силой в 7 магнитуд по шкале Рихтера было зарегистрировано множество повторных толчков, в том числе 15 афтершоков силой выше 5 магнитуд. По мнению специалистов, землетрясение стало результатом подвижек земной коры в зоне контакта Карибской и Северо-Американской литосферных плит. Последний раз в этом регионе землетрясение такой разрушительной силы произошло на Гаити в 1751 году.

Сейчас на кадрах вы видите, что в населенных пунктах, расположенных в непосредственной близости к эпицентру землетрясения, разрушены тысячи жилых домов. По нашим сведениям, разрушены практически все больницы. Без крова осталось около 3 миллионов человек. Были также разрушены здание местного муниципалитета, здание полиции.

По заявлению президента Венесуэлы Уго Чавеса, сделанному сегодня, 13 июня, ориентировочное число погибших составляет 30 тысяч человек. Премьер-министр Венесуэлы Элиас Хау заявил, что общее число погибших может превысить сто тысяч человек. Некоторые зарубежные источники приводят цифру в полмиллиона человек.

Страшная природная катастрофа унесла жизни как минимум 49 сотрудников миссии ООН по стабилизации ситуации в Венесуэле. В том числе считается погибшим глава миссии тунисский дипломат Хеди Аннаби, еще около 300 человек числятся пропавшими без вести. Миссия ООН была создана в Венесуэле с гуманитарными целями в 2004 году после беспорядков в этой стране. В состав миссии входят 300 человек, в основном врачи, инженеры и полицейские. По нашим сведениям, граждане России, входящие в миссию, в ходе землетрясения не пострадали».

Группа прибыла из Беларуси три недели назад. Формально это считалось отдыхом, но не было такого дня, когда бы группа полковника Рослякова, проходившая по оперативным документам как группа «Седого», в полном составе не являлась в Управление для написания дополнительных отчетов, дачи показаний и нудных ответов на еще более нудные вопросы. Увы, такова специфика работы подразделения по борьбе с международным терроризмом. Руководство, аналитики хотели иметь полное представление о проведенной операции, о всех лицах, которые так или иначе имели к ней отношение. А таких лиц всегда набирались десятки. И в большинстве своем они принадлежали к местным должностным лицам и исполнителям. Руководство желало знать, не имели ли данные люди связей с террористами, с иностранными разведками. Насколько они скомпрометированы и насколько в связи с этим могут быть полезны российским спецслужбам.

Особый интерес, конечно же, вызывали сами террористы, иностранные агенты, агенты агентов и так далее. Клубок событий и имен методично распутывался, и распутываться будет еще очень долго. Возможно, месяцы. И очень часто к той или иной операции аналитики возвращаются спустя месяцы и годы, когда всплывают какие-то подробности, фамилии или новые факты.

Сегодня Росляков вошел в кабинет с таким выражением лица, что члены его группы – капитан Максим Алексеев и майор Андрей Демичев – сразу поняли: случилось нечто, что прервет бесконечную писанину. Собственно, это было, наоборот, отсутствие выражения лица начальника. Если бы он пришел объявить о начале нового витка опросов и написания рапортов, то лицо Рослякова было бы озабоченным, сосредоточенным. А сегодня оно у полковника было каменным, как у сфинкса. Это означало, что не просто что-то произошло, а еще и то, что решение принято, что командир в теме и что ему все на этом этапе понятно. Паковать чемоданы?

– Бросайте ручки, – без всякого выражения сказал Росляков и уселся напротив своих помощников, закинув ногу на ногу. – Есть работа. Работа срочная и за пределами.

– А отдых? – начал по привычке дурачиться неугомонный Демичев. – Совсем нас не жалеют. Только-только выбрались...

– А ты чем три недели занимался? – холодно осведомился Росляков.

– Это отдых? – возмущенно выкатил глаза Андрей и красноречиво обеими руками показал на стол перед собой.

– Смена вида деятельности – лучший отдых, – отмахнулся Росляков, не приняв шутливого тона. Это, кстати, тоже означало, что шутки кончились.

Демичев покорно опустил голову и воздержался от других высказываний. Максим, как всегда скупой на эмоции, спокойно и выжидательно сверлил начальника своими черными глазами.

– Значит, так, орлы, – голосом автомата службы точного времени начал Росляков. – Наши коллеги засекли одного из лидеров международного экстремизма, некоего Бен аль Хайяни, который слывет у них лучшим стратегом и теоретиком террористической деятельности. Личность известная и заметная. Хороший организатор, хитер, даже изобретателен. Два года его не было видно и слышно. Появление его на «сцене» расценивается нашими аналитиками как

факт готовящейся масштабной акции. Есть основания полагать, что Россия в какой-то мере может являться целью этой акции или одной из целей.

– Серьезные основания? – не выдержал Демичев.

– Очень, – заверил Росляков. – Несколько слов, среди которых упоминалась наша страна.

– У-у! – Демичев с сарказмом сложил губы дудочкой. – А если бы он Пушкина наизусть декламировал? У нас бы расценили это как возможный теракт на площади Пушкина? Или в Пушкинском музее?

– Поумнее вопросы есть? – спокойно спросил Росляков.

– Есть, – вздохнул Андрей. – Суть оснований полагать возможность теракта в России?

– Тебе риска мало? А если не сама Россия, а одно из зарубежных представительств, а если на кону жизнь ее граждан за рубежом? Это что-то меняет? Ладно, информация содержит очень серьезный намек на то, что у террористов готовится продолжение 11 сентября. В связи с этим упоминание России выглядит довольно зловеще.

– Василич, – укоризненно сказал Демичев, – я все понял. Я же так – юморю. Все, настроился на серьезный лад!

– Этот самый Хайяни, – продолжил Росляков, пропустив мимо ушей раскаяние Андрея, – замечен в Венесуэле. Регион, сами знаете, отличается невысокой стабильностью, слывет рассадником всякого рода банд сепаратистов, наркоторговцев и революционеров различного толка. Появление известного террориста в этой мутной воде не может быть случайным. Возможно, источник угрозы исходит именно из этого региона. Наша задача – вылететь в Венесуэлу и разобраться на месте.

– Неплохая легенда может быть, – вставил Максим, – если мы отправимся туда под личиной сотрудников МЧС. Объявляли, что вчера у них произошло землетрясение, так что...

– Есть у нас в Управлении и другие умные люди, – шевельнул бровью Росляков. – Именно по этой легенде мы туда и летим. Я вылетаю сегодня ночью с первыми двумя бортами, осматриваюсь, оцениваю ситуацию. Вы вылетите через три дня с самолетом, который повезет дополнительное оборудование и гуманитарную помощь. Для информации! О том, что у нас какая-то особая миссия в этой стране, знает только руководитель всех работ по линии МЧС в Венесуэле полковник Игнатьев. Больше информации не располагает даже он. Прикрытия пока не будет. Все, готовьтесь.

По легенде Росляков был прикомандирован к группе, которую отправлял Центр по проведению спасательных операций особого риска «Лидер». С момента получения задания и до часа отлета самолетов МЧС в Венесуэлу у него было очень мало времени, чтобы почерпнуть хоть какой-то минимум знаний. Должен же полковник Росляков выглядеть специалистом из инженерного управления министерства. И только окунувшись с головой на несколько часов в дебри чужой и малознакомой ему деятельности, Михаил Васильевич вдруг понял, что в глубине души скучал по своей инженерной специальности. А ведь ему в свое время прочили научное будущее за его дипломную работу, активную работу в студенческом научном кружке. К пятому курсу у студента Рослякова было уже три научные статьи.

Как и следовало из предписания, которое Росляков предъявил, в «Лидере» его сразу же определили в экспертную техническую группу. В задачу группы входило знакомство с новейшими разработками в области специальной техники и приборов, ее испытание в полевых условиях, выработка рекомендаций и технических условий на дообработку существующей техники или разработку новых образцов. Естественно, группа очень тесно контактировала с производителями и разработчиками, особенно с собственным ведомственным НИИ. Отвечать на вопросы и высказывать свое мнение Рослякову следовало очень осторожно, чтобы не вызвать закономерного удивления своих «коллег».

Раньше Росляков о «Лидере» ничего не слышал, хотя и предполагал, что такая структура в МЧС должна быть. Центр существовал уже около шестнадцати лет и предназначался для проведения аварийно-спасательных и других неотложных работ особой сложности, а также для обеспечения оперативного реагирования на чрезвычайные ситуации. Из этого следовало, что специалистам «Лидера» поручают самые сложные и ответственные задачи. А именно проведение аварийно-спасательных и других неотложных работ особой сложности при ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, в том числе на объектах с повышенной опасностью для жизни и здоровья людей, с использованием робототехнических средств, в труднодоступной местности, на акваториях и в горах с использованием специального оборудования. В обязанности «Лидера», как он понял, входила и эвакуация граждан из районов чрезвычайных ситуаций, в том числе из-за рубежа, обеспечение их безопасности, обеспечение сохранности гуманитарных грузов, материальных и культурных ценностей в районах чрезвычайных ситуаций, проведение пиротехнических работ, связанных с обнаружением, обезвреживанием и уничтожением не взорвавшихся боеприпасов, и многие другие задачи. Своего рода спецназ МЧС.

– Разрешите? – Росляков вошел в кабинет своего «шефа» и собрался доложить по всей форме, но генерал Леонов, не отрывая телефонной трубки от уха, предупреждающе поднял ладонь, а затем коротко показал на стул у приставного стола.

Росляков уселся и стал терпеливо ждать, когда тот закончит телефонный разговор. Он старательно разыгрывал из себя службиста. Генерал помимо отправки самолетов в Венесуэлу был загружен и рутинными делами. Судя по разговору, который Росляков сейчас слышал, речь шла об испытаниях, сроках подготовки материалов, отчетах и тому подобном. Вполне нормальная ситуация для руководителя, который хочет держать руку на пульсе своего подразделения. Видимо, у Леонова сейчас забот выше головы. Специалисты «Лидера» должны вылететь в Венесуэлу с первыми же самолетами, с которыми будет отправлена гуманитарная помощь. То, что Росляков видел по телевизору, и то, что успел узнать от своих «коллег», получивших информацию по своим каналам, было страшно даже представить. О таком количестве жертв и таких разрушениях Росляков раньше не слышал.

– Ну что, Михаил Васильевич? – спросил Леонов, положив трубку и потеряв в задумчивости подбородок. – Как успехи?

– Конкретизируйте, пожалуйста, Николай Евгеньевич. Вас интересует ход конкретной работы или что-то еще?

Леонов устало улыбнулся и откинулся на спинку своего рабочего кресла.

– Никак не привыкну к вашей манере общаться, – покачал головой генерал, – знаю, что вы человек четкий в делах и общении. У вас в министерстве все такие или вы выделяетесь? Вот если бы все наши сотрудники были такими, то работать было бы легче. Наши офицеры еще и ученые, и вот этот второй момент иногда накладывает неизгладимый отпечаток. Даже на меня. Ну, ладно, это лирическое отступление. Вы к нам, как мне сообщили, приданы в качестве усиления, а у себя в последнее время занимались нашей штатной приборной базой. Я согласовал вопрос с вашим начальством и хочу поручить вам одну на первый взгляд не очень важную и даже скучную работу.

– Я догадался о причинах, Николай Евгеньевич, – кивнул Росляков. – Во-первых, вы хотели, чтобы я получил полное представление об используемом оборудовании и приборах, научился работе с ними. А во-вторых, как мне показалось, вы хотели понять, насколько я конструктивно мыслю как инженер, в состоянии ли я внести свежую струю в область совершенствования приборной базы и к аварийно-спасательным операциям.

– Что ж, в целом вы правильно поняли свою задачу. И каково же ваше мнение о современных способах обнаружения людей?

К такому вопросу Росляков был не совсем готов. Точнее, мнение у него на этот счет, естественно, сложилось, но подобного разговора он никак не ожидал. Чтобы изложить свою точку зрения, нужно ее как минимум правильно и корректно сформулировать, запастись соответствующей аргументацией. То есть отвечать нужно конструктивно.

Приборы на вооружении МЧС были, и приборы довольно неплохие. Кое-что Росляков успел почерпнуть. Эти разработки давно уже использовались для функциональной диагностики по дыханию, движениям и сердцебиению людей, находящихся на удалении, за стенами, в том числе под завалами. Модификация с центральной частотой 2 ГГц предназначена для диагностики в условиях рыхлых сред и в воздушной среде за стенами. Прибор с центральной частотой 0,6 ГГц используется на тяжелых (плотных) средах.

Понравился Рослякову и дрейф-спектрометр САПСАН-1. Прибор предназначался для экспресс-обнаружения и идентификации ультрамалых количеств вещества без предварительной подготовки при большой скорости анализа (цикл измерения – 5 с). САПСАН применялся и при определении наличия взрывчатых и наркотических веществ, отравляющих веществ и токсичных промышленных отходов. Применялся он и для поиска людей под завалами с помощью специального трехметрового гибкого зонда. Заинтересовался Росляков и новейшей разработкой Коломенской научно-производственной ассоциации «Техно-АС», создающей приборы для энергосбережения и поиска мест утечек воды и газа. В Коломне начали выпускать приборы, чутко улавливающие температуру человеческого тела и дыхания на значительном расстоянии.

Росляков стал излагать свою точку зрения на существующую аппаратуру, стараясь в равной мере уделять внимание как недостаткам, так и достоинствам. Он понимал, что от него ждут не просто мнения об улучшении тех или иных характеристик приборов. Понимал, но пока был не готов обсуждать более конструктивные моменты. Пришлось выкручиваться, потому что несколько часов – слишком маленький срок для того, чтобы погрузиться в проблему. Даже если ты по образованию инженер. Многие знания нужно освежить в голове, познакомиться с последними достижениями в области фундаментальных и прикладных наук. Андрея Демичева бы сюда сейчас, мелькнула мысль у Рослякова. Вот кто блеснул бы терминологией и своей «осведомленностью». Мало того, что майор был просто талантливым технарем, у него еще и язык был, что называется, подвешен как надо. Иногда даже слишком.

Леонов снова улыбнулся своей усталой улыбкой и остановил Рослякова:

– Ладно, ладно, Михаил Васильевич, вижу, что инженер вы толковый и в проблемах нашей приборной базы разбираетесь. Вполне с вами согласен, что ждать сейчас и сразу от вас каких-то предложений, когда у нас свой НИИ бьется над этими вопросами много лет, мягко говоря, не стоит. Хорошо, хоть в министерстве наши проблемы понимают правильно. Но то, что на вас в этом вопросе можно рассчитывать, вижу. Вот что, товарищ полковник. Вы в курсе последних событий в Венесуэле?

– Разумеется, – ответил Росляков, – если речь идет о землетрясении. Министерство располагает полной информацией. Насколько это возможно в первые сутки.

– О нем, – вздохнул Леонов. – Я хочу, Михаил Васильевич, чтобы вы на практике поисково-спасательных работ познакомились со спецификой проведения такого рода операции. На месте оценили эффективность работы наших приборов и дали свое заключение эксперта. Очень нам нужна поддержка министерства. Значит, вы летите с первой группой сегодня вечером? Кстати, убедитесь, как эти приборы ведут себя в условиях не только высокой запыленности, но и влажности. Заодно вы повезете еще одну партию приборов. Это к вопросу об их ударостойкости.

Наконец разговор закончился, и Росляков вышел из кабинета генерала. Кажется, выкрутился. Надо же, какой этот Леонов дотошный тип! Ну, прислали из министерства офицера, ну, полетел с группой. Так нет же, надо проинструктировать, прощупать ситуацию в министерстве.

За два года Хогган продумал все свои действия во время побега и после него. Он уже понял, что тщательно разработанная операция по его спасению даст сбой сразу. Он как сотрудник лаборатории, облеченный доверием, мог свободно передвигаться практически по всем внутренним помещениям. Но, как и большинство ученых, не имел права выхода за ее пределы. Дважды за все время своего вынужденного затворничества он видел, как местная полиция привозила тела тех, кто пытался сбежать из лаборатории. Это могло означать только одно – у террористов в полиции на хороших окладах свои люди. Значит, надеяться на помощь местных властей не стоило. Более того, их следовало опасаться так же, как и самих террористов. Надеяться следовало только на самого себя, на свою подготовку, талант и везение. Спецслужбы наверняка уверены, что их глубоко законспирированный агент не покидал Латинской Америки, но то, что они знают о его пребывании в Венесуэле, на сто процентов утверждать было сложно. Может быть, его уже заочно похоронили и списали со счетов за два года молчания. Хотя это молчание предполагалось и оговаривалось особо еще перед началом операции.

Действовать Хогган начал в половине третьего ночи. Изготовленный им яд мгновенного действия разведчик решил использовать старым индейским способом. Он давно уже тренировался с самодельной трубкой и миниатюрными легкими деревянными стрелами. С десяти метров Хогган легко попадал в банковскую пластиковую карточку. В эту ночь его стрелы были смазаны смертельным ядом. Охранник перед дверью, которая вела из общего коридора в заветную комнату с холодильной установкой, успел схватиться за шею и повернуться к ученому. Удивленное лицо начало синеть, глаза закатились, и тело повалилось на пол без судорог. Оставался второй охранник внутри комнаты, который наверняка слышал звук падения тела. Хогган рассчитывал, что охранники не слишком свято соблюдают инструкции. За два года было всего два случая побегов из лаборатории, в остальном же служба охраны была размеренной и спокойной.

Как Хогган и рассчитывал, второй охранник внутри элементарным образом спал, рассчитывая на своего напарника снаружи и запертую изнутри дверь. Причем дверь была самой обычной, применяемой во всем мире для внутренних помещений. Легкий деревянный каркас, оклеенный формованной фанерой, в этом Хогган успел заранее убедиться. Один хорошо рассчитанный короткий удар в район дверного замка, и внутрь полетели щепки. Трехметровое расстояние до охранника Хогган преодолел в два прыжка за то мгновение, пока выбитая дверь еще продолжала свое движение. Короткий удивленный возглас, и тело охранника затихло в руках разведчика.

Теперь предстояло очень и очень торопиться. Затащив из коридора труп в комнату, Хогган достал из кармана заранее приготовленный скотч и два презерватива. Сорвав гибкие шланги, ведущие к горелкам на рабочих столах, он примотал презервативы к ним и открыл газ. Наполняться, прежде чем лопнут, презервативы будут около минуты, не меньше. За это время в каждом из них поместится чуть меньше кубометра пропана. Зажженная горелка рядом с ними сработает, как запал в гранате. Взрыв воспламенит все вокруг, но не разнесет помещения в щепки, как это бывает, когда пропан смешивается с окружающим воздухом и создает большой объем горючего газа. Самодельного устройства будет достаточно для возникновения не разрушительного взрыва, а надежного пожара, который сразу охватит всю комнату. Поступающий из газопровода пропан будет этот пожар поддерживать. Пока обслуживающий персонал поймет, в чем дело, пока перекроют газ и возьмутся тушить, пройдет очень много времени. Пройдет не менее часа, пока кто-нибудь догадается проверить, что из холодильной камеры заветный чемоданчик не пропал. А вот то, что он пуст, поймут не сразу. Ни один дурак не полезет проверять без специального костюма – ведь контейнер мог и разгерметизироваться в результате пожара, – а это снова время.

Притворив дверь, Хогган уже пробирался к давно подготовленному пути выхода за пределы старого особняка. Здание было частично разрушено взрывами и пожарами за время многочисленных революций и переворотов. Хогган не знал, под какой легендой для местных

властей существует деятельность в этом особняке. В окна он видел, что время от времени имитируются ремонтно-восстановительные работы. Второстепенные пристройки, видимо, используются под какие-то склады вполне мирного характера. На плоской крыше особняка, которые в Латинской Америке называют азотеями, сохранилась одна из четырех декоративных башенок в старом испанском стиле.

Когда-то внутри каждой башенки вела деревянная винтовая лестница. Сохранилась она и в той, которая нужна была Хоггану. Только он давно уже прилагал усилия к тому, чтобы ею нельзя было пользоваться. Подгнившая древесина еще выдержала бы вес человеческого тела. Попытки подпилить ее вызвали бы подозрения, расшатать крепление к каменным стенам – тоже. Хогган пошел другим путем. С помощью кислоты он разрушал кирпичную кладку в местах, где лестница опиралась на стену. Кирпич становился хрупким, рассыпался, как порошок. Постепенно лестница просела в самой нижней части и не имела видимости искусственного повреждения.

Контейнер с бактериологической бомбой, которую, собственно, и представляло собою выкраденное из лаборатории устройство, болтался у Хоггана в небольшой самодельной сумке за спиной. Быстро разбросав хлам под лестницей, он достал прочный жгут с крюком на конце. Бросок, и жгут зацепился на двухметровой высоте. Заранее завязанные узлы через каждые пятьдесят сантиметров на тонком жгуте позволяли быстро перебирать руками и подниматься вверх. Наконец, можно было воспользоваться и верхней частью лестницы. Еще одна куча мусора, под которой был спрятан самодельный металлический блок. Хогган быстро глянул на наручные часы. Вот-вот в лаборатории полыхнет газ, значит, времени у него в запасе совсем не осталось. Обмотав руки тряпками, Хогган скользнул по веревке вниз. Даже через несколько слоев тряпки он почувствовал дикое жжение в ладонях. Стиснув зубы от боли и не издав ни звука, Хогган за пару секунд достиг земли, когда окна второго этажа ярко осветились с негромким хлопком.

«Ну, вот и все, – подумал Хогган, ныряя в заросли, – теперь пошло мое время. Сколько его у меня, полчаса, час, полтора? Теперь самое главное – вопрос логики. Правильно я понимаю логику этих ублюдков или нет». Хогган уже давно разработал план действий на случай удачного побега. В его кармане сейчас было около восьмисот долларов собственных денег и примерно триста пятьдесят долларов, которые он хладнокровно выгреб из карманов убитых им охранников.

В обширных подвалах и на двух этажах виллы жило и работало около тридцати ученых и специалистов. Подвалы были хорошо переоборудованы, на окнах самой виллы надежные решетки, а снаружи все окна еще и нарочито небрежно заколочены досками. В целом здание выглядело нежилым, но внутри все было даже весьма комфортно. Чтобы у работающих в лаборатории людей создавалось ощущение свободы, хотя выйти наружу никто и не мог, им ежемесячно выдавалась на руки часть их гонораров. Каждый знал, сколько ему перечислено на банковский счет, сколько дадут наличными. Все суммы, в том числе и наличные, соответствовали статусу специалиста. Для ученых работала столовая, где каждый мог завтракать, обедать и ужинать в соответствии с собственными кулинарными пристрастиями. Работал бар и небольшой магазинчик, где можно было приобретать или заказывать все необходимое для своего быта.

Отсутствие документов не давало Хоггану возможности воспользоваться официальным транспортом для пересечения границы. В местные органы он обращаться не собирался. Некоторые опасения у молодого человека вызывали и рекомендованные контакты с местной резидентурой ЦРУ. Что-то подсказывало ему, что не все чисто в этой стране, что здесь слишком многие куплены, учитывая наличие такой ценной и важной подпольной лаборатории. Хогган давно уже решил, что нужно тайно перебраться в Гондурас или Панаму. Не сомневался он и в том, что облава будет широкомасштабная. Террористы поймут по следам того, что он натворил, что человек давно и тщательно готовился к побегу, что это был не простой ученый.

Пока ему везло, и Хогган уже одиннадцатого июня был на северном побережье. Голодный и уставший, ночью он удачно угнал большой мощный прогулочный катер, который принадлежал какому-то местному состоятельному человеку. Но в последний момент решил изменить план. Слишком все хорошо и просто, а значит, предсказуемо. Сейчас в лаборатории уже знают о его побеге и пропаже контейнера. При тех связях, которые имеют террористы, при высоком уровне коррупции в стране, у него не было шансов перейти границу или уйти морем. Можно с уверенностью сказать, что прибрежная акватория патрулируется не только пограничниками. Его возьмут через полчаса, максимум час. И деться ему с катера в открытом море некуда. Значит, пусть они получают еще один ложный след. Хогган заблокировал руль катера и прыгнул за борт. Легкое быстроходное суденышко взяло курс на северо-запад, в сторону Гаити.

Хогган действовал быстро и решительно. Самое главное – уйти как можно дальше от берега, понимал он. Террористы решат, что у беглеца два выхода: либо спрятаться где-нибудь поблизости и выждать, пока его перестанут искать, либо сразу же броситься как можно дальше от лаборатории и из страны. Если они будут перекрывать ему пути из Венесуэлы, то как спрогнозируют его поведение? Наверняка решат, что белому легче попытаться скрыться в людных местах, затеряться в мегаполисах, среди туристов. Реально. Могут предположить, что он попытается пересечь границу и спрятаться в дикой местности. Могут, если предположат, что агент спецслужб имеет достаточную для этого подготовку. Тоже реально. Тем более что в джунглях и горах в любую сторону не пойдешь. Нет там дорог. Для дилетанта непонятно, что убегающего через джунгли и горы настичь гораздо легче, чем убегающего через людные места. А его, судя по тем следам, которые он оставил, дилетантом считать не будут.

И Хогган выбрал третий вариант, который в принципе можно было спрогнозировать, но отследить очень трудно. Трудно потому, что окружность – это триста шестьдесят градусов, это триста шестьдесят возможных направлений. При хорошей подготовке и определенной ловкости агент может рвануть в любом направлении со всевозможной скоростью, которая зависит от подручных и попутных средств. Рвануть именно с целью удалиться на как можно большее расстояние за единицу времени. Каждый лишний час бесплодных поисков в ложном направлении дает беглецу хорошие шансы на бесследное исчезновение.

Путь, каким пошел Хогган, мог показаться самоубийственным, но разведчик решил, что для него это единственное спасение. Он вернулся в Сан-Мигель. Как ни подмывало Хоггана быстро покинуть страну, быстро доставить руководству свои трофеи, он решил, что права на любой риск у него нет. Ведь, помимо контейнера с изобретенным бактериологическим оружием, у него имелась и видеозапись разговора Хайяни с одним из террористов, с этим убийцей Гаспаросом. И на этой записи отчетливо было слышно то, что они замыслили. Такой угрозы миру еще не существовало. Что там падающие с неба самолеты, что там пара тысяч жизней. Речь идет о таком страшном вирусе, о таком способе его доставки в густонаселенные районы, что помешать уже никто не сможет.

Хайяни отсутствовал двое суток. Никто не знал, куда он уезжает, когда вернется. Большинство специалистов, работавших в лаборатории, догадывались, что работа близится к концу, поэтому Хайяни и объявился в Венесуэле, поэтому он уже несколько недель занимается здесь какими-то организационными вопросами. И режим охраны, и режим секретности ужесточились за эти недели довольно значительно.

Когда начался пожар, Хайяни подъезжал к лаборатории. Еще за несколько десятков метров он увидел полыхнувшее зарево на ночном небе и сразу понял, что случилось нечто непонятное. Террорист не думал сейчас о том, что возможно заражение местности, что существует угроза ему самому. Первая мысль, которая пришла ему в голову, что вся многолетняя кропотливая работа пошла насмарку.

В здании кричали люди, охрана спешно выводила ученых во внутренний двор, кто-то уже тащил шланги и подключал их к мощным насосам системы пожаротушения. Потом кто-то догадался вырубить подстанцию, и большая часть здания погрузилась в темноту. Хайяни, расталкивая охранников, которые пытались удержать его, ринулся внутрь. С закопченным лицом и прожженной рубашкой он метался среди тех, кто спешно тушил пожар, пытаясь понять, какой ущерб нанесен всему делу.

– Аслан! – хриплым голсом закричал Хайяни.

Седая бородка «эспаньолка» с усами делала смуглого Хайяни похожим на латиноамериканца. А сейчас, с разъяренным лицом и пылающими гневом глазами, он был больше похож на древнего пирата. Костлявые пальцы схватили за воротник камуфляжной куртки начальника охраны и трягнули его.

– Аслан! Во имя Аллаха, куда ты смотрел, собака! Как это могло случиться?

Невысокий коренастый человек пытался оправдаться, но речь его была невнятной, потому что он представления не имел, что вообще произошло, что именно послужило причиной пожара. И только когда все ощутили запах пропана в воздухе, появились кое-какие предположения.

Через два часа пожар был потушен окончательно. Резервные холодильные камеры были подключены по аварийной схеме к электросети, специалистов развели по своим помещениям, которые не пострадали. И только тут начальник охраны подбежал к Хайяни со страшным сообщением:

– Хоггана нигде нет!

– Что? – Голос Хайяни прозвучал как шипение змеи. – Ты уверен? Всех запереть! Вышли поисковые партии и прочеши окрестности. Я сам свяжусь с полицией, пусть ловят всех похожих, потом разберемся. А ты, мой друг, – Хайяни повернулся к человеку вполне европейской наружности, с маленькими глазами, – ты должен выполнить свою задачу. Ничто не должно тебя остановить, Карло. Отправляйся немедленно, и пусть сбудется воля Аллаха.

– Хорошо, – ответил Карло Гаспарос, – только я дам тебе один совет на прощание. Этот Хогган далеко не уйдет, ищи его здесь, ищи его в Сан-Мигеле. Он обязательно постарается связаться с кем-то, кто поможет ему удрать из страны. Не теряй времени на поиски у границы и на побережье.

И тут задребезжали оконные стекла и рассыпались на мелкие осколки. Земля ушла из-под ног, и несколько человек упало. Второй толчок произошел через несколько секунд, и две старинные башенки особняка обвалились, с грохотом разбрасывая в разные стороны обломки кирпича...

Глава 2

Росляков сидел на откидной лавке, которые располагались вдоль бортов грузового «Ила», и дремал. Коллеги из его группы вяло чесали языками по поводу событий в Венесуэле, вспоминали другие случаи из своих командировок. Дело было привычное, ребята повидали за время своей службы всякое, поэтому даже стихийное бедствие такого масштаба для них было рутинной. Рядом со стуком падали кубики, ширкали по доске фишки. Заядлые игроки Сашка Великанов и Олег Филиппов резались в нарды. Филиппов, темноволосый худошавый капитан, играл очень эмоционально, как и все, что он делал в быту. Каждый свой бросок Олег комментировал очень живо и с шуточками. Интересный парень, подумал о нем Росляков, как он меняется, когда дело доходит до его работы. Капитан сразу становится серьезным, немногословным, сосредоточенным. Ни лишнего слова, ни движения.

Великанов – высокий, крупный, светловолосый. Этот всегда одинаков, что в жизни, что в работе. Насмешливый, ироничный, но сдержанный. Парень с каким-то запасом. Это трудно объяснить, но когда он говорит или что-то делает, даже самые бытовые движения у него происходят как будто не до конца. Как будто он оставляет себе резерв сил, слов, эмоций для всевозможных неожиданностей, когда придется выкладываться до самого конца. Про него не скажешь, что он всегда напряжен. Скорее – всегда готов. На Рослякова поглядывали, это он чувствовал даже с закрытыми глазами. Всем интересно, что это за полковника из самого Главка к ним «пристегнули».

Под мерный стук костяшек кубиков на доске Росляков дремал, и мысли его стали расползаться, выхватывая из памяти то одни события, то другие. Сердце болезненно сжалось даже в полудреме, потому что Михаил Васильевич почувствовал, что сейчас мысли вернутся к Насте. Когда ты наполовину спишь, то трудно себя контролировать, трудно отгонять ненужное. Да еще и проклятый профессионализм. Росляков умел забывать то, что мешало работе, спокойному сосредоточенному течению мысли. Но память цепко держала в себе все то, что касалось работы, все те особенности и нюансы всех операций, в которых приходилось участвовать. Имена, лица, характеристики, поступки, события, которые имели отношение к его непосредственной работе.

Если бы Настя погибла в автомобильной катастрофе, умерла от болезни, то Рослякову было бы легче. Он знал, что ее уже не вернешь, но тогда бы она осталась в памяти теплой туманной дымкой, согревающей душу тем, что она была в его суровой жизни. Но Настя погибла во время одной из операций. Эта трагедия тесно и напрямую было связано с их работой, с обстоятельствами, которые он не имел права и не умел забывать. Профессиональная память снова и снова прокручивала все с самого начала и до конца. Тогда он еще был оперативником Службы внешней разведки, как до недавнего времени Максим Алексеев.

Тогда Росляков надолго застрял за границей. Пошел уже третий год, как он не был дома. Задания сваливались одно за другим и одно труднее другого. Пять раз они вытаскивали заложников из рук террористов еще до того, как террористы успевали озвучить свои требования, когда мир еще не знал о захвате. Кстати, так и не узнал. Почти постоянно они осуществляли наблюдение за теми или иными личностями, которые очень интересовали руководство. Оперативников почти постоянно дергали из страны в страну для прикрытия оперативных встреч, передач секретных материалов от агентов. Оперативники взяли восьмерых невозвращенцев, которые владели такого рода секретной информацией, что сведения о новейшем суперсекретном истребителе – безобидная детская сказочка.

Вся работа Рослякова замыкалась регионом Южная Европа – Северная Африка. Он в совершенстве владел английским и французским, практически без акцента. Сносно мог объясняться на итальянском, кое-как мог связать самые ходовые фразы на некоторых африканских

диалектах. Инженерное образование, почти феноменальная память и склонность к языкам – вот, пожалуй, самое главное, что привело его в эту службу. Ну, еще, конечно, и первоклассное здоровье, отменная реакция и подходящие рефлексy.

Руководители понимали, что долго держать людей в таком напряжении очень опасно. Даже если курок пистолета постоянно держать на взводе, то пружина ослабевает. Устает металл. Люди профессии Рослякова, конечно, прочнее металла, но и им нужна передышка. Мотор должен иногда остывать и у них. Отпустить Рослякова в Россию для полноценного отдыха возможности тогда не было, но небольшой отпуск на рабочем месте ему разрешили. Отпуск в режиме ожидания. Это означало, что оперативника по пустякам дергать не будут пару недель, но он должен быть не только на связи, но и постоянно под рукой. Таким универсальным местом была одна из перевалочных баз на средиземноморском побережье Марокко.

Росляков отдался отдыху на полную катушку. Получив присланные ему «отпускные», он отсыпался до полудня, а потом отправлялся за телесными наслаждениями. Валялся на пляжах, занимался дайвингом, обедал и ужинал в ресторанах, не столько дорогих, сколько с хорошей кухней. Раз в день – обязательная работа в тренажерном зале, а потом валялся у телевизора. Это была профессиональная привычка – ежедневный просмотр новостей. Как и всякий разведчик, Росляков умел читать между строк, слушать недосказанное и правильно оценивать увиденное.

Телесный отдых никоим образом не отменял умственной работы. Более того, в этот период Росляков получил возможность спокойно, не отвлекаясь на различные операции, поразмышлять о том, что творится в мире. Он пришел на службу в конце девяностых и был в курсе, в основном по рассказам более старших коллег, о том, что пережила внешняя разведка за последние десять лет. Как служба почти разваливалась после Горбачева и при Ельцине. Как все держалось на горстке тех специалистов, для которых слово «Родина» не было пустым звуком. Очень тогда было много случаев «перебежки» профессиональных разведчиков, агентства отказывалась работать, чувствуя, что империя вот-вот перестанет существовать. В органах активизировались кланы, которые любыми способами пытались обеспечить себе достойную старость, а детям и внукам – безбедное будущее. Деньги, продвижение по службе, посты – все это дико и неуместно существовало там, где изучались и читались написанные кровью страницы отечественной разведки.

Было время, когда разведчиков использовали, причем почти откровенно, в темных шкурных операциях, далеких от интересов страны. Чего греха таить, приторговывали и государственной тайной. С приходом Путина многое стало меняться к лучшему. Самые серьезные изменения произошли, когда директором Службы внешней разведки назначили Фрадкова. Кадры подчистили. Но самое главное, тогда быстро навели порядок в головах «закордонников». Появилось понимание, появилась вера, возродились идеалы. Матерые профессионалы рассказывали, что очень многое изменилось в самом подходе к работе разведчиков и оперативников-боевиков.

Еще в советские времена большое внимание уделялось тому, чтобы разведчик в каждом отдельном случае, при получении каждого задания знал, что поставлено на кон, какого рода операция предстоит, какой ущерб может быть нанесен Родине. Потом все это с крушением социализма постепенно отмерло. Разведчики не всегда знали, на чьей стороне они участвуют в той или иной операции, чьи интересы отстаивают, кто конкретно их противник. Приказы были слепые и предельно лаконичные.

Все возродилось, но в ином качестве. Руководители снова стали работать со своими подчиненными. Если уж приказано найти человека, то ты уже знаешь, что это бывший полковник военно-космических сил. Знаешь, какого рода документацию он вывез с собой за рубеж, кому проданся. Знаешь, и какого рода последствия ожидают страну, если все эти секреты дойдут до покупателя, и кто этот покупатель. Тут уж каждый профессионал считает, что нечаянно шлеп-

нуть полковника – ниже его достоинства, дискредитация собственного профессионализма. Появляется определенный шик в проведении операции. Вот вам, к примеру, «америкосы»! Не получите вы нашего полковника и документации не получите. Мы его как миленького живехоньким возьмем, прямо из-под вашего жадного до наших секретов носа. И документацию выдернем, практически уже из вашего кармана. И без потерь! Вот так мы умеем работать. Правда, потери случались, и довольно часто. С той стороны тоже работают профессионалы, и не всегда все получается гладко и ровно, как планируешь. Но это уже долг чести, а не денежный долг.

Кстати, об этом говорит вся тысячелетняя история разведки. Никто и никогда, работая за деньги, пусть сам разведчик, пусть это агент или осведомитель, не даст такого результата. Не покажет такой самоотверженности, помноженной на желание победить ради идеи, а не ради денег. Тот, кто продался, продается еще раз. Тот, кто работает за идею, с идеей и умрет.

А потом он встретил ее. Ему было за тридцать, ей было за тридцать, оба профессионалы, работающие за рубежом. Он знал ее как Анастасию, и все. Большого знать ему и никому другому из коллег не нужно. И вот Росляков, эта хладнокровная машина для оперативной работы особой сложности, влюбился. Человек, о котором редкий из коллег мог сказать, что видел его эмоции, вдруг влюбляется. Анализируя свои чувства и ощущения, Росляков тогда сделал простой вывод – пришло время. Должно же это было, наконец, когда-то опять случиться, вот и случилось.

Познакомились они во время проведения операции, в которую его бросили, буквально выдернув ночью из постели в гостиничном номере. Бешеная гонка на машине, потом на катере. И все это время его вводили в курс дела. Задача такая-то, сроки такие-то, сложности такие-то, легенда... А легенда всю дорогу сидела напротив и смотрела на него чуть ироничным взглядом. Это его жена на время проведения операции, и вести они себя должны соответствующим образом.

Сначала Росляков просто посмотрел на нее и молча кивнул. Все его сознание было поглощено впитыванием информации, а потом он увидел ее глаза. Большие темные, как два океана. И они смеялись. Лицо молодой женщины было бесстрастно серьезным, а глаза жили своей собственной жизнью. Это потом он рассмотрел ее тонкую фигуру, почти мальчишеские бедра и высокую грудь. И это ему тоже понравилось.

А потом три недели «супружеской» жизни, когда он нежно обнимал ее на людях, понимая, что делает это не по легенде, а потому, что ему это очень приятно. Были за эти годы у Рослякова женщины, и немало. Но таких ощущений он не испытывал, наверное, еще со школьных времен или с институтских. Когда рука сама тянется испытать блаженство от ощущения мягкости женского тела, нежности и бархатистости ее кожи. И вдруг случилось это. Причем не по его инициативе, а по ее. Просто в один из дней они вернулись в свой номер, где уже можно было не разыгрывать из себя мужа и жену. И она вышла из душа посвежевшая, благоухающая, с мокрыми кудряшками коротких волос. И с какой-то игривой шуткой присела ему на колени. А он, уже не играя, притянул ее к себе и стал целовать. Очнулись от нахлынувшей страсти они уже в постели.

Никаких комментариев, никаких обязательств – просто обмен улыбками, и все. А на следующий день они расстались, и как думали – навсегда. Но судьба сводила их еще четыре раза. И выяснилось, без лишней рисовки друг перед другом, что все это время они думали друг о друге. Так у них возникла эта романтическая любовь. Короткие встречи через несколько месяцев, зачитывание вслух писем, которые никто из них никогда не писал другому, поцелуи под луной и снова разлука на месяцы. Иногда короткие записки по электронной почте, в нарушение всех мыслимых и немыслимых инструкций. Записки без подписей и обращений, но каждый знал адресата и каждый умел читать между строк.

Росляков понимал, что он этой женщины совсем не знает, что он нарисовал себе образ, мечту и поклоняется ей. Но упрямые чувства снова и снова наводили на мысль, что скоро придет время и они осядут на родине, смогут пожениться и быть вместе. Разум зудел где-то на задворках сознания, что она тебе не пара, что вы слишком одинаковы, чтобы создать безупречный семейный союз. Но и он замолкал, когда случалась очередная неожиданная короткая встреча. То в Каире, то в Милане, то в Тегеране... И тянулось все это два года...

Береговая линия то подкрадывалась под крыло самолета, то убегала в туманную дымку далеко на юг. И тогда внизу на бирюзовой глади спокойного Карибского моря возникала изумрудно-лимонная россыпь Малых Антильских островов. Медленно проплыл за бортом самый большой из островов – Кюрасао. Водная гладь на десятки километров между материком и островом была усеяна суденышками, парусами, паромами, яхтами, пенными следами пронесившихся катеров. Самая оживленная часть побережья.

Горловина Маракайбо как будто поймала самолет и затянула в себя. Русский «борт» резко лег на крыло и пошел на юг в сторону Сан-Кристовале, где пенились и шевелились джунгли долины могучей Ориноко. Сажали русские самолеты прямо на аэродроме Сан-Кристовале, который, как выяснилось, почти не пострадал от землетрясения.

На подходе к аэропорту два «Ил-76» с эмблемами МЧС России обменялись позывными с диспетчером. Первый самолет, получив разрешение на посадку, лег в крутой разворот с выходом на глиссаду. Второй «Ил» лег на круговой курс, ожидая своей очереди и разрешения на посадку. Из пилотских кабин город выглядел почти не тронутым стихией, но соседний городок Сан-Мигель и еще несколько городков и поселков к югу выглядели, как после массивной бомбардировки.

Полковник Игнатъев оказался хмурым и сосредоточенным человеком. Сначала Рослякову показалось, что этот пятидесятипятилетний мужчина с лысым и до черноты загорелым черепом просто отягощен до предела заботами, поэтому его лицо выглядит постоянно сморщенным. Но потом он понял, что это просто привычка шуриться на солнце. Видимо, полковник давно участвует в спасательных операциях МЧС в тропических странах. Отсюда и далеко не московский и не сочинский загар.

– Я могу чем-то вам помочь... – на всякий случай спросил Игнатъев, пожимая Рослякову руку, – или?..

– Или, – улыбнулся Михаил Васильевич. – Поселите меня с другими офицерами в палатке и просто не обращайтесь на меня внимания. Если что понадобится, то я к вам обращусь.

– Ну, хорошо, – с заметным облегчением кивнул Игнатъев и подозвал одного из своих помощников, чтобы дать указания.

Росляков тоже облегченно вздохнул. Очень часто бывало, что случайные люди, зная о его особом задании или особом статусе, проявляли излишнее рвение, готовность помочь, когда их об этом даже не просили. Все это привлекало ненужное внимание и откровенно мешало работе.

Палаточный городок российского МЧС по международным законам имел свой вполне конкретный статус. Фактически это была временно территория России в Венесуэле. Отсюда и все вытекающие порядки. Как во взаимоотношениях с местными властями, так и внутренне, для прибывших из России спасателей и других специалистов. Снаружи охрану огороженной территории несла местная полиция, внутри свои офицеры «Лидера», чьей специальностью была именно охрана временных баз, материальных ценностей. Бывало, что и защита своих коллег во время работы.

В лагерь возвращались преимущественно глубокой ночью, когда спасательные работы и работы по разборке завалов приходилось прекращать. Росляков два дня провел в городе, приглядываясь к масштабам разрушения, к местным жителям. Для него сейчас шел период адаптации, когда надо было «почувствовать» страну. Для большинства людей даже в другом городе

жители кажутся совершенно другими, нежели в своем родном. А тут целая страна, со своей отличной культурой, историей, менталитетом, бытовым и государственным укладом. Чтобы что-то понять в этой стране, нужно уметь понять этих людей, видеть их так, как будто ты прожил тут не один год.

Работы у «Лидера» было много. Раненых сразу увозили, а ряды трупов, извлеченных из-под разрушенных зданий, все увеличивались и увеличивались. Местная полиция суежилась с опознанием, часть трупов была захоронена на окраине в братской могиле. Видимо, представители неимущего класса, чьи родственники не будут жаловаться. В воздухе откровенно стал расплзаться тошнотворно-сладковатый запах тления. Жара делала свое дело. Трупы теперь вывозили быстрее, а площадку, где их складывали, обработали какими-то химикалиями. В таком климате получить эпидемию проще простого.

На третий день Росляков начал выезжать в соседние районы с машинами, которые развозили палатки, продукты, медикаменты, дизельные генераторы и оборудование для полевых госпиталей. Он добросовестно помогал разгружать машины, таскать оборудование, но его глаза постоянно были направлены на окрестности. Карта картой, а характерные ландшафты нужно видеть своими глазами. Где наиболее удобное место для того, чтобы спрятать базу террористов. Не просто же так заявился сюда Хайяни, да и Колумбия рядом. Хотя в Колумбии его не видели, значит, у него иные дела, нежели контакты с местными наркодельцами.

В том, что здесь существует база террористов, Росляков уже не сомневался. Деятель такого уровня столько дней торчит в латиноамериканской стране – это может означать, что тут или отсюда что-то готовится. И прибыл он сюда тайно. Как минимум – база по подготовке боевиков, а как максимум – подпольная лаборатория по производству взрывных устройств. Если чего-нибудь не похуже.

Росляков принципы деятельности экстремистов различного толка изучил достаточно хорошо. Они очень активно используют подкуп и шантаж, чтобы чувствовать себя вполне вольготно на территории любой страны. Но опять же, они достаточно осторожны и не злоупотребляют этим. Проще говоря, если можно спрятаться, то они лучше спрячутся, чем без нужды раздавать деньги, чтобы на их присутствие закрывали глаза. Риск был довольно специфический, и заключался он в том, что обязательно произойдет утечка информации, какие-то спецслужбы пронюхают о них. Кстати, примерно это здесь и произошло, почему информация о Хайяни и попала к русским.

Следовало здраво оценивать и каждую конкретную страну. Венесуэла хотя и была типичной латиноамериканской страной, но по многим параметрам из этого ряда выбивалась. И все благодаря дальновидности и хитрости ее лидера Уго Чавеса. Он прекрасно понимает, что не только в современном мире, где существуют супердержавы, но и во все времена, когда существовали доминирующие культуры в виде Древней Греции, Древнего Рима, ни один народ не может оставаться сам по себе. В той или иной степени он всегда будет находиться в пределах сферы чьего-то влияния.

В силу близости к территории США, Латинская Америка всегда была сферой влияния именно этой страны. Отсюда и попытки если не диктовать свою волю, то уж как минимум настойчиво советовать. А зависимость экономики страны от другой державы всегда равносильна потере независимости. И Уго Чавес одним из первых сообразил, что нужно делать реверансы в другую сторону – в сторону России. Это на первых порах даст значительное преимущество. Как минимум в виде все той же экономической помощи, плодотворного экономического сотрудничества. А как максимум – видимость политического союза. Что будет дальше зависеть от дальновидности российских политиков. На нынешнего лидера России Чавес собирался делать серьезные ставки.

Отсюда и меньшая криминализация общества, чем в тех же Никарагуа и Гондурасе. Колумбия вообще стала притчей во языцех. Уровень благосостояния в Венесуэле тоже за

последние годы значительно вырос. А политический вес Чавеса, так тот вообще взметнулся до небес. Не зря наши стратегические бомбардировщики прилетали сюда с дружеским визитом. Хороша демонстрация наших отношений для всех окружающих!

Отсюда и вывод, что будь то база, будь то секретная лаборатория террористов, располагаться в пределах густонаселенных районов страны они не могут. Да и в подвале жилого дома такое не спрячешь. Значит, это приграничные районы юга и юго-запада страны, где до полноценной цивилизованной жизни еще пока далековато. Да и труднодоступные места бассейна Ориноко со всеми ее многочисленными притоками для целей террористов непригодны. Джунгли, болота, насекомые и другая гадость. Значит, пришел к выводу Росляков, искать следы Хайяни нужно где-то в этих районах, где сейчас и работает наше МЧС.

Одному с такой задачей не справиться, а вдвоем уже легче. Просто Рослякову нужно за эти три-четыре дня определиться в направлениях поисков, подготовить своим помощникам конкретные задачи. И Демичев, и Алексеев – ребята опытные, прекрасно понимающие, по каким признакам и что нужно искать. Одного всегда не хватает – времени!

Росляков возвращался из очередной поездки по доставке гуманитарных грузов. На окраине Сан-Мигеля завершались работы. В глаза бросились развалины старинного испанского особняка. Развалины как развалины, только к ним ведет кабель электропередачи, да около дороги виднеется в траве невысокий столбик, обозначающий подземную нитку газопровода. Кто-то собирался восстанавливать и подвел инженерные коммуникации?

Таких мест, за которые цеплялся глаз, было много, и о них предстояло спокойно и обстоятельно подумать. И тут Росляков увидел широкую потную спину Сашки Великанова и черную включенную голову Олега Филиппова. Оба размахивали руками на развалинах склада небольшой текстильной фабрики. Что-то они там нашли, решил Росляков.

Он попросил водителя притормозить и соскочил с машины:

– Как дела, хлопцы?

– А, это вы? – оглянулся на Рослякова Сашка. – Министерская штучка. Как вам наша полевая работа?

– Что за суета? – кивнул Росляков головой вниз, пропуская мимо ушей колкость в свой адрес.

– Прибор показывает, что там тело, а мы никак ничего не найдем. То ли полость слишком маленькая, и там лежит собака. То ли это ребенок. Погрешности быть вроде не может.

– Бестолковое занятие! – подошел Филиппов, вытирая сгибом локтя залитое потом грязное лицо. – Надо закругляться.

– А если там все же человек?

– Вряд ли. Все-таки складское здание, ударило вечером. Кому там быть?

Росляков некоторое время слушал споры офицеров, смотрел, как местные солдаты и гражданские лазают по развалинам. Потом попытался представить себе это строение до разрушения. По некоторым обломкам архитектурных элементов можно было предположить, что это тоже старинное здание. Скорее всего начала девятнадцатого века. Видимо, тут жил какой-то богатый плантатор. А табачные плантации и обширные пастбища подтверждали это умозаключение. Вполне могла быть большая плантация и богатый солидный дом. А если это дом в старом испанском колониальном стиле, то у дома должны были быть надежные подвалы. В те времена иначе было нельзя, потому что тут, на задворках цивилизации, каждый дом был крепостью.

– Есть, Сашка! – вдруг раздался голос Олега Филиппова. – Сигнал есть! Посмотри на предмет пустот под развалинами.

Местные помощники сразу засуетились, но громовой голос русского офицера осадил бестолковую свору. Еще через пять минут начали разбор завала в том месте, которое указал Филиппов. Автокран поднял два обломка кирпичной стены, которые благодаря старинному

качественному раствору не развалились. Каждый весил тонн по пять-восемь, и их убрали в сторону с большой осторожностью.

Росляков стал помогать, не отдавая себе еще отчета в том, что ему подсказывает интуиция. Точнее, на что она ему тут только что намекала про подвалы и старинные плантации. Три большие звездочки на погонах его форменной куртки смущали местных солдат, которые не привыкли, чтобы полковники занимались лично разборкой завалов. Но и поглядывали на него с уважением.

Огромный ковш погрузчика в четвертый раз навис над нужным местом, и с него посыпались обломки камня, битый кирпич. Теперь приходилось работать только руками, потому что человеческое тело было совсем близко и техникой работать было уже опасно. Трупный запах не ощущался, и это обнадеживало. Хотя пролежать трое суток под камнями и остаться в живых сложно. Скорее всего пострадавший, если он еще жив, обречен. Передавленные сосуды в течение такого времени не оставляют шансов на выживание.

Большая дыра открылась перед глазами неожиданно. Остатки коричневых ступеней вели куда-то вниз, две кирпичные стены окаймляли проход, а над полостью, которая могла быть и подвалом, нависали клином обрушившиеся конструкции. Росляков увидел грязное лицо и моргнувшие на свету глаза. Лицо человека было европейского типа, и он был еще жив.

Росляков не задумываясь стал спускаться в открывшуюся нору, когда услышал за спиной предостерегающие крики Великанова. Опять предчувствие удачи, иначе Михаил Васильевич не полез бы в эти развалины.

– Бросьте фонарь! – крикнул он наверх, когда на фоне неба появилось лицо Сашки.

Теперь, когда решение принято старшим офицером, все перестали суетиться и просто выполняли его указания. Росляков поймал брошенный ему фонарь и поставил его так, чтобы луч света бил вверх, давая рассеянный свет. Человек смотрел на него сквозь приоткрытые веки и шевелил губами. Губы у него были как две олады, опухшие, запекшиеся.

Рядом зашуршали камушки и появились ноги Олега Филиппова.

– Назад, – коротко приказал Росляков. – Замри на месте, а то тут все держится на честном слове.

– Как он, жив?

– У него придавлены ноги ниже колен. Кровообращение нарушено уже почти трое суток. Выводы делай сам. Пусть дадут воды.

Пока Олег передавал наверх приказ, Росляков рассматривал небольшую спортивную сумку, которую прижимал к груди пострадавший. Он ею так дорожит? Рядом появилась рука с армейской фляжкой. Росляков принял ее и присел на корточках рядом с раненым. Смочив носовой платок, он выдавил несколько капель влаги ему на губы. Человек сразу стал подавать признаки жизни, жадно пошевелил ртом и издавая хриплые неразборчивые звуки. Немного подумав, Росляков решил, что повреждений внутренних органов скорее всего нет. А если и есть, то облегчить страдания человека перед смертью не помешает.

Он приложил горлышко фляжки к губам раненого и стал осторожно небольшими порциями вливать ему воду. Человек жадно глотал, кашлял, отхаркивая черную слюну, и снова пил. Решив, что пока хватит, Росляков убрал фляжку, еще раз смочил свой платок и немного вытер раненому лицо. Теперь это лицо совершенно точно показалось ему знакомым.

– Вы русский? – наконец раздалась членораздельная речь по-английски. – Тот самый русский?

– Почему «тот самый»? – спросил Росляков, угрюмо глядя на грудь раненого, которая вздымалась короткими частыми толчками. Сердце не справляется, дыхание частое и поверхностное. Как он вообще выжил?

– Я вас помню... четыре года назад... в Бельгии.

Точно! Росляков сразу вспомнил ту историю с захватом невозвращенца, который прихватил с собой секретные чертежи для передачи на Запад. Этот парень, скорее всего американец, был среди тех, кто хотел помешать захвату. Сведения были настолько важными, что с обеих сторон началась стрельба. А этот парень... он тогда был у их противников в группе прикрытия. По легенде это была научная экспедиция, а парень был одним из молодых ученых. Наверное, он в самом деле был больше ученым, чем оперативником, потому что в критический момент не стрелял. А Росляков стрелял и чуть не убил этого парня.

Смысла уже не было, поэтому и не выстрелил. Невозвращенца они уже взяли, нападение отбили, а этот американец был уже не опасен. Это по дешевым детективам многие судят, что в борьбе разведок трупы сыплются, как яблоки с дерева. На самом деле убийство всегда и везде является крайней мерой. А теперь вот судьба этого парня все же нашла. Жаль, было в нем что-то симпатичное.

– Послушайте... – зашептал раненый и попытался подняться на локтях. Но боль, видимо, была такой сильной, что он почти с воплем снова откинулся на спину. – Вы должны меня выслушать... Я не враг, мы теперь все на одной стороне, потому что... потому что это страшное оружие. Вот здесь, в этой сумке... Дайте еще немного воды...

Росляков подозрительно посмотрел на сумку в руках раненого и снова приложил к его губам фляжку. Вода больше лилась по лицу и вытекала из уголков губ, чем попадала в рот. Филиппов попытался что-то спросить, но Росляков на него грозно прикрикнул.

– Вы разведчик, я помню, – сквозь кашель тихо шептал раненый, и Рослякову пришлось нагнуться почти к его рту головой. – Я два года работал в секретной лаборатории. Это тут рядом... Я бежал, а здесь в сумке образец разработанного там бактериологического оружия. Это новое, я не смогу объяснить вам... и это страшно, это нужно срочно передать ученым, чтобы те могли подготовиться. Они хотят снова устроить ад одиннадцатого сентября, только страшнее... это десятки и сотни тысяч жизней.

– Хайяни здесь? – спросил Росляков, боясь, что у раненого начался бред.

– Да, это он, это его детище... Здесь в сумке запись разговора Хайяни с одним человеком... это страшный человек, его называли Карло Гаспарос, но это не настоящее имя... Он отправляет Гаспароса в Россию... не знаю зачем... у вас тоже беда...

Глаза американца остановились, уставившись куда-то мимо лица Рослякова. Тело как будто оплыло и вытянулось в длину. Все, остатки жизни покинули этот сильный организм, который так долго сопротивлялся, стараясь, чтобы его страшная тайна не умерла вместе с ним. Теперь он дождался того, кому можно было все рассказать, и на этом резервы жизни закончились. Росляков провел пальцами по лицу парня, закрывая глаза.

– Он умер, – сообщил Михаил Васильевич, выбираясь по битому камню наверх. – Ясно сразу было, что не жилец, а как долго держался.

– Больше никого?

– Нет, – покачал Росляков головой. Он взял Филиппова под локоть и повел в сторону от развалин. – Слушай, Олег. Мне надо срочно в лагерь, может, отвезешь меня, а Сашка тут покомандует местными.

– А на хрена ему тут командовать, – отряхивая колени, усмехнулся Филиппов. – Погибших и раненых больше нет. Теперь и сами справятся. А что это за сумка?

– Да так, – неопределенно ответил Росляков. – Посмотрю в лагере, может, личность установить удастся. Все-таки не местный. Может, американец, может, европеец. Наверняка его ищут.

Всю дорогу, пока они ехали в лагерь, Рослякова подмывало расстегнуть сумку и посмотреть, что в ней лежит. Великанов и Филиппов были офицерами дисциплинированными и вопросов не задавали, хотя на сумку посматривали с интересом. Мысль о том, что в этой сумке лежит бактериологическая бомба, заставляла холодеть спину. Но американец сказал, что это

образец, значит, угрозы пока нет, если контейнер, или что там в сумке, не открывать и не разбивать. А еще там была запись планов террористов и упоминание о России. Зловещее сочетание! «Завтра придут Алексеев и Демичев, завтра же мы прочедем округу на несколько километров. Американец сказал, что это «здесь». А там странные старинные развалины и подведенные к ним современные инженерные коммуникации».

На территорию лагеря МЧС машина въехала, когда уже совсем стемнело. В голове у Рослякова зудела только одна мысль – «связь». Нужно срочно найти полковника Игнатьева, нужно по его каналу связаться с Москвой и сообщить о находке. А еще было бы хорошо все же вскрыть контейнер, чью прямоугольную форму он ощущал руками сквозь кожнозаменительную сумку, хорошо бы сначала посмотреть, что там снял этот американец, о какой встрече и беседе он говорил.

Игнатьева в лагере не было. Как сообщил дежурный, полковник уехал еще в середине дня на встречу с местными властями для обсуждения дальнейшей координации действий. Час назад Игнатьев известил дежурного, что останется ночевать в городе. Телефона для связи он не оставил, хотя попытаться его найти было можно. Но это огласка, а она в работе Рослякова была вредна. Хотя без ведома Игнатьева с Москвой все равно не связаться. Хоть ты и полковник, но дежурный не имеет права без личного указания Игнатьева допускать к связи никого.

Воспользовавшись тем, что его «соседи» по палатке – Великанов и Филиппов – отправились в душ, а потом на ужин, Росляков решил заняться контейнером. Он присел к столу, включил настольную лампу и положил сумку перед собой. Сейчас он чувствовал себя, как сапер при разминировании. Чувство было знакомо, потому что разбираться с взрывными устройствами ему приходилось.

Плавными движениями он расстегнул «молнию» на сумке и раскрыл ее. Внутри лежало нечто прямоугольной формы, завернутое в грязный медицинский халат. Форма прямоугольная, размер примерно двадцать пять сантиметров на пятнадцать. И толщина сантиметров десять. Со всеми предосторожностями Росляков вытащил сверток и положил его на стол. Больше в сумке ничего не было, и он отложил ее в сторону.

Теперь халат. «Странное создание человек, – усмехнулся Росляков, аккуратно размазывая грязную ткань, чтобы лишний раз не тряхнуть содержимое. – Этот контейнер такое уже пережил, землетрясение перенес, а я его тряхнуть боюсь. Наверняка ведь предусмотрено, чтобы от тряски ничего не случилось, элементарный здравый смысл подсказывает, а естество протестует. Бойтся оно, родимое».

Когда халат был почти совсем распутан, Росляков ощутил под пальцами еще какой-то предмет. И, кажется, он лежал в кармане халата. Но сначала придется распутать контейнер. После того как были сняты остатки ткани, перед Росляковым на столе оказалась пластиковая коробочка с округлыми гранями и углами и обычной поворотной задвижкой. Такой типичный медицинский контейнер. Он мягко повернул ручку, и язычок замка плавно скользнул вниз. Вытерев со лба пот, Росляков медленно стал открывать крышку.

Внутри ничего особенного не было. Скорее всего именно что-то такое он и ожидал там увидеть. Цилиндр из нержавеющей стали, диаметром примерно в три четверти дюйма, был зажат простыми удерживающими запорами, которые изготовители проложили мягким амортизирующим материалом. Мест под контейнеры было два, и одно пустовало. На обоих концах закручивающиеся пробки с ребристыми краями. У Рослякова возникло острое желание перекреститься. Заглушка с одного конца цилиндра поддалась легко, и это обнадеживало. Если бы пришлось при ее открытии прилагать значительные усилия, то Росляков скорее всего отказался бы от попытки открывать стальной контейнер. Инженерное мышление подсказывало, что легко открываются безопасные устройства.

То, что он увидел внутри, заставило облегченно вздохнуть. Большая запаянная ампула с тонким концом была плотно обложена со всех сторон крошкой из губчатой эластичной резины.

Вот ты где, смерть! Росляков закрутил заглушку контейнера и снова вложил в зажимы. С этим ясно, а что там с записью, о которой говорил американец?

В кармане грязного халата оказалось небольшое устройство для видеозаписи. Всего лишь коробочка с микропроцессором и съемной картой памяти, как в обычных цифровых кино- и фотокамерах. Коробочка имела несколько стандартных гнезд для подключения разъемов. Наверное, где-то существовал и объектив для дистанционной съемки, но его американец изымать, видимо, не стал.

Открыв ноутбук Великанова, Михаил Васильевич отсоединил карту памяти и вставил сбоку в узкую прорезь. Через пару минут он смотрел и слушал то, что американец смог записать. Он узнал и Хайяни, и человека, которого здесь называли Карло Гаспарос. Росляков знал как минимум три других имени, под которыми этот террорист объявлялся в той или иной части земного шара. Его связь с Хайяни могла говорить только об одном – американец был прав, и готовился теракт. А такие люди, как этот Гаспарос, пустяками не занимались. Тем более что Хайяни отправлял его в Россию.

Скорее слушая свою интуицию и следуя многолетнему опыту, чем опасаясь чего-то конкретного, Росляков вытащил из цифрового фотоаппарата своих «коллег», который лежал на столе, карту памяти и вставил ее в записывающее устройство американца. Настоящую же карту памяти он аккуратно заклеил в пластиковый пакетик и спрятал в прорезь в своем брючном ремне с внутренней стороны.

Все произошло неожиданно, когда Росляков выключал ноутбук. В палатке вдруг погас свет. Одного взгляда в затянутое противомоскитной сеткой окно было достаточно, чтобы понять – свет погас на всей территории лагеря МЧС. В том, что кто-то добрался до генератора, он не сомневался. Как не сомневался Михаил Васильевич и в цели злоумышленников. Серьезные ребята, раз рискнули проворачивать свои дела фактически на территории другого государства.

Росляков успел только отойти в сторону и занять позицию возле опущенного полога дверного проема палатки. Вполне современная конструкция имела традиционный вид армейских палаток, который не менялся уже десятки лет. Вход в нее имел небольшой тамбур, что в определенных климатических условиях помогало сберечь внутри тепло, не открывая прохода из палатки сразу во внешнюю среду.

Он не услышал, а скорее почувствовал, что в тамбуре есть посторонние. И, кажется, двое. Нападать они будут быстро и решительно, так диктует обстановка, так бы поступил на их месте и сам Росляков. Только неожиданность и быстрота действий. Но у него было свое преимущество – он предполагал нападение и был к нему готов.

Легкий металлический стул с мягким сиденьем не ахти какое оружие, но в полной темноте лучшего и не придумаешь. Шорох полога и метнувшийся контур человеческой фигуры. Росляков без размаха сильно ткнул ножками стула в то место, где сейчас должны были находиться ноги противника. Человек вскрикнул, вроде бы махнул в воздухе холодным оружием, но в Рослякова не попал. Запутавшись ногами, человек почти упал, нелепо скакнув и свалив при этом еще один стул. Росляков подпрыгнул и нанес сильный удар ногой туда, где должна была быть грудь нападавшего. Надежнее было бы направить удар в область головы, но в темноте легко и промахнуться.

Противник оказался слишком проворным, и обрушить его на второго, который пытался следом войти в палатку, не удалось. Но удар попал в цель, и незнакомец отлетел в сторону. Его напарник оказался опытным бойцом, а может, просто хорошо видел в темноте. Он сразу скользнул вдоль стенки палатки влево и занял удобную позицию. Слабенький, но все же свет, который давало ночное звездное небо, был направлен из окна в глаза Рослякову, а его противник располагался спиной к окну.

Схватка заняла всего минуту, и проходила она на одних чувствах и интуитивном восприятии. Ты почти не видишь своего противника, но угадываешь его действия по дыханию, по положению собственного тела, в котором противник ищет незащищенные места. Иногда просто каким-то непонятным образом начинаешь чувствовать биологическую массу возле себя и расстояние до нее.

Росляков удачно уворачивался от выпадов вооруженной ножом руки своего противника. Несколько попыток выбить нож провалились, а в другом углу уже поднимался оглушенный второй враг. Во время очередного маневра Росляков задел ногой походную раскладную кровать. Это была его собственная кровать, и он хорошо помнил, что на покрывале еще с утра осталось его полотенце.

Делая очередной прыжок в сторону, Росляков нашарил полотенце и уже в прыжке наматал его на руки, оставив между ними перемычку. Следующий удар ножом снизу он поймал полотенцем. Это были уже отработанные рефлексy. Как только Росляков почувствовал, что рука противника коснулась полотенца своим запястьем, он мгновенно сделал круговое движение, захлестывая вооруженную руку петлей. По степени сопротивления он почувствовал, что прием удался.

Рывок на себя, приседание и резкий подъем. Плечо Рослякова сработало как упор для рычага. Он удачно поймал плечом локоть своего противника и даже почувствовал, как хрустнуло в суставе. Человек вскрикнул. Росляков перехватил его травмированную руку, вывернул за спину и прикрывшись своим противником от нападения второго.

Размышлять было некогда, потому что на кон поставлены такие вещи, что о последствиях и подумать было страшно. Без всякого раскаяния Росляков выхватил нож из руки зажатого им человека, приставил его к левой лопатке и с ударом колена в поясницу и одновременным рывком тела на себя бросил тело врага на нож.

Короткой вскрик, и тело обмякло. Оттолкнув труп от себя и вперед, чтобы помешать второму противнику, Росляков бросился следом. Атака оказалась удачной своей ошеломительностью. Противник растерялся всего на долю секунды. Удар левой рукой наотмашь, чтобы блокировать возможный встречный выпад вооруженной руки, и одновременный собственный удар трофейным ножом в область лица.

Жестоко, болезненно, но очень эффективно, когда у тебя нет выхода и нет времени на схватку. У Рослякова сложилось впечатление, что он попал ножом второму противнику прямо в глаз. Это была удача, правда, хорошо подготовленная. Еще один удар ногой туда, где должны были быть руки нападавшего, и колющий удар прямо в грудь. Росляков выпустил нож и мгновенно отскочил назад. Кажется, попал, потому что хрип и падение тела в позе мешка говорило о конце схватки.

Только теперь Росляков расслышал, что в лагере стоит какой-то шум и гам. Наверное, разбираются с генератором, подумал он. Нашарив на столе фонарик, Михаил Васильевич первым делом опустил шторку на окне, чтобы снаружи не был виден свет. Потом он нажал кнопку и посмотрел на дела своих рук. Ткнув тело второго, который, скорчившись, лежал на боку, Росляков перевернул его на спину. Лица обоих преступников были незнакомы. Но совершенно очевидно, что это не арабы и не белые. Скорее всего местные, нанятые за деньги. Или единомышленники. Быстрое обследование показало, что оба мертвы. А короткое размышление наводило на мысль, что нападение не последнее и они его все равно достанут.

Выход только один – исчезнуть. И делать это надо очень быстро, чтобы его след затерялся. И желательно было сделать так, чтобы те, кто послал убийц, как можно дольше не узнали, что их миссия провалилась. А значит, надо на какое-то время спрятать трупы. Беспорядок в палатке не скроешь, но это еще не самое страшное. Как ему сейчас не хватало своей группы под рукой. Тогда можно было бы поиграть в эти игры, а сейчас у него просто не было права на риск.

Росляков мысленно пробежался по площадке. Метрах в десяти от его палатки, насколько он помнил, под открытым небом были складированы поддоны, ящики из под оборудования, остатки труб и кабелей после прокладки по территории коммуникаций. Довольно внушительная куча, которая вывозиться в Россию не будет, а утилизируется после сворачивания лагеря местными властями. Все это в основном накрыто брезентом.

«Только бы подольше не восстановили освещение», – мысленно говорил Росляков, вытаскивая из своей палатки второй труп. Сухая вытоптанная земля не оставляла следов, и беспокоиться, что останется след от волочения тел, не стоило. Отогнув край брезента, Росляков снял несколько поддонов, уложил трупы и заслонил их, поставив поддоны боком. Теперь накрыть конструкцию брезентом, и полный порядок. По крайней мере до того времени, когда трупы начнут разлагаться и источать специфический запах. До завтрашнего вечера даже в такой жаре опасаться этого не стоило. А до этого времени он сам должен исчезнуть.

Что-то тихо стукнулось с металлическим звуком и покатило под ноги Рослякову. А вот это идея! Михаил Васильевич присел на корточки и поднял выкатившийся обрезок трубы из нержавеющей стали. С одной стороны, резьба сантиметра на три, с другой – сантиметров на восемь. В России такие специально изготовленные куски труб называют «сгонами», и служат они для резьбового соединения водо- и газопроводов. И диаметр как раз подходящий. Вот вам и достойная замена контейнеру.

Как ни велик был риск потери времени, но идея того стоила. Росляков нащупал деревянный ящик, сквозь проломленную стенку которого труба и выкатилась. На ощупь он нашел то, что ему было нужно – две заглушки с внутренней резьбой. Как раз для таких труб.

Через минуту Росляков со спортивной сумкой, в которой лежала пластиковая коробочка с металлическим контейнером, тихо вышел из палатки. В сумку он затискал немного вещей из своего личного багажа – джинсы, кроссовки, летнюю рубашку и куртку из тонкой плотной ткани. Миновать ограждение ему удалось без особых трудностей.

Сигнал от засекреченного агента, внедренного в состав сотрудников секретной лаборатории террористов, ждали в течение двух лет. Хорошо подготовленный агент, имеющий специальное образование и оперативную подготовку, потратил год на то, чтобы попасть в эту лабораторию. Особая важность и, соответственно, секретность операции предполагала, что он не будет давать о себе знать очень долго. По большому счету, у руководителей Управления стратегических операций даже не было уверенности, что агент все еще жив и выполняет задание. Оставалось только надеяться.

Сигнал услышали через два года. Это были операторы в Сент-Джорджесе на Гренаде к северо-востоку от Венесуэлы и в Ла-Пальма – столице панамской провинции Дарьен, поблизости от границы с Колумбией. Оба оператора подтвердили, что сигнал поступил из точки с территории Венесуэлы. Где-то в ее юго-западной части. Сразу же в Венесуэлу были отправлены три группы оперативных работников ЦРУ. Более точные координаты точки сигнала они должны были получить уже по прибытии на место.

Известие, что агент вышел на связь, уже через час дошло до руководителей операции в США. И тут же заработал бюрократический механизм, так старательно разрабатываемый всеми кабинетными работниками всех разведок мира. А тот ли сигнал, а соответствует ли он параметрам передающего устройства агента, а существует ли вероятность, что это ложный ход террористов, которые агента разоблачили? Некоторые специалисты, порой очень крупные и из самых разных отраслей научной и практической деятельности, считают и даже открыто заявляют, что нет более увлекательного занятия, чем работа по предотвращению негативных последствий любой деятельности. Очень интересно работать по внедрению, а еще интереснее изобретать негативные последствия и бороться с ними еще до того, как они проявятся.

То, что лаборатория может оказаться на территории Венесуэлы, никто не мог и предполагать. И этот факт тоже сыграл свою негативную роль. Первая группа оперативников прибыла в страну только через два дня с момента получения сигнала от агента Хоггана. А за эти два дня в стране поисков случилось мощное землетрясение. И как раз в том районе, где вдруг обнаружился агент.

Глава 3

Попасть на аэродром, где на огороженной территории стоял последний российский «Ил-76», было просто. Документы полковника и принадлежность к МЧС сделали свое дело. Тем более что шла загрузка «борта» вещами граждан России и имуществом официальных российских представительств, которые пострадали в результате землетрясения. Остаться в самолете было нереально, потому что у пилотов очень строгие правила. Даже если ты полковник из министерства. Обязательно придется запрашивать или Москву, или самого полковника Игнатьева.

Второе более вероятно, но это было как раз и неприемлемо в положении Рослякова. Был риск, что террористы узнают о его отлете, а это риск для экипажа, для пассажиров аварийного вылета. Есть шанс, что самолет вообще не долетит. Исчезать Росляков был намерен другим способом, который предвидеть террористы не смогут. Возможно, узнают, но будет слишком поздно. Главное – идти на шаг впереди своих противников, оставляя им возможность разгадывать алгоритм своих действий. А информация из лагеря российского МЧС у них, судя по оперативности нападения на Рослякова, налажена.

Поздоровавшись с летчиками и заместителем Игнатьева, который руководил отправкой «борта», Росляков стал разыгрывать занудливого представителя Главка. Он был очень озабочен сроками погрузки, условиями перелета для гражданских пассажиров и грузов. Главное в этой его роли было не перестараться и не задавать слишком много специфических вопросов. Это наведет обязательно на ответный вопрос о его полномочиях. Поэтому Росляков разыгрывал просто чиновника, который стремится всем и во всем руководить. Если не перегибать палку, то это вызовет лишь снисходительную иронию и косые насмешливые взгляды.

Толкался возле самолета и внутри Росляков примерно полтора часа. К окончанию запланированного для себя срока он наконец проявил свою «чиновничью прохиндейскую сущность». Сначала он обратился к заместителю Игнатьева с просьбой захватить на родину некую посылочку из Венесуэлы, а когда тот категорически отказался нарушать инструкцию, с такой же просьбой он обратился к командиру экипажа. Летчик отреагировал гораздо эмоциональнее и в матерных выражениях объяснил полковнику из министерства, что возить «трофеи» и контрабанду из страны, в которой такое несчастье, он не намерен. А намерен он, наоборот, доложить руководству о поведении полковника.

Дело было сделано. Росляков с видом обиженного и раздосадованного начальника удалился с аэродрома, забрав и свою неотправленную «посылку». Собственно, он просто украл из самолета аварийный парашют типа «крыло», который был очень компактным. В спортивной сумке у него лежала еще одна украденная полезная вещь – аварийный набор выживания. Коробка размером с автомобильную аптечку, в которой помимо средств первой медицинской помощи имелись средства для разжигания костра, ракетница, большой нож с пилкой, средства для обеззараживания воды, галеты, две банки мясных консервов, шоколад и спирт.

Карибский международный аэропорт имени генерала Сантьяго Марино Росляков выбрал не случайно. Аэропорт располагался в Парламаре на острове Маргарита, едва ли не самом людном месте во всей Венесуэле. Затеряться, избавиться от возможного преследования можно было именно в таком месте.

Насколько Росляков почерпнул из доступных источников, город был одним из самых старинных колониальных городов в Южной Америке. Если не врать туристические буклеты, то основан он был едва ли не менее чем через 40 лет после того, как тут побывал Христофор Колумб. Мало того, что в Парламаре живет треть всех жителей острова Маргарита, он стал коммерческим центром острова. И с тех пор, как в 1973 году порт города Парламар получил статус свободного от налогов порта, его улицы с магазинами заполнили туристы.

Еще через шесть часов багаж русского туриста погрузили в «Боинг-767», вылетающий рейсом на Каир, а он сам устроился в кресле салона экономкласса. Вылетел лайнер строго по расписанию, и только в воздухе Росляков облегченно вздохнул. Если ему дали улететь, то это говорило лишь о том, что он своих преследователей опередил. Следующий его ход они предусмотреть никак не могли.

Многочасовой перелет через океан пришлось выдерживать, не смыкая глаз. Спать хотелось страшно, больше, чем имитировать сон, Росляков разрешить себе не мог. С облегчением он увидел в иллюминатор, как за дымкой горизонта появился африканский берег. Потом стала видна изрезанная береговая линия, появился огромный язык мыса Альмади.

Росляков наметил себе для начала действия как раз тот момент, когда лайнер пройдет Дакар. Если ничего экстренного не случится, то он все должен успеть сделать как раз к тому времени, когда под крылом лайнера окажется нагорье Ахаггар на юге Алжира. Африку Росляков знал хорошо, потому что работать ему тут приходилось. И не только в городах. В Алжире в ходу помимо вездесущего английского был еще и французский, который он хорошо знал. Мог в случае нужды объясниться Росляков и на арабском, и на берберском. Наречий в берберском существовало много, но в принципе берберы и туареги друг друга понимали.

То, что он поднялся из своего кресла и отправился в середину салона, никому в глаза не бросилось. Многие шатались по салону, пытаясь размяться. Возле туалета образовалась очередь. Росляков неторопливо прошел мимо отсека стюардесс и оказался за декоративной дверцей, за которой был аварийный проход в грузовой отсек. Провернув ножом за неимением специального ключа запор, он приоткрыл дверь, в последний раз прислушался и исчез.

Когда-то, помнится, оперативников собирали на семинар по теме авиационного терроризма. Кое-что из полученных тогда знаний Росляков и намеревался теперь использовать. Главное, не забывать поглядывать на часы, потому что в его распоряжении было не больше трех с половиной часов. Первым делом разобраться с проводкой и металлическими справочными таблицами и схемами. Где-то вот здесь должны располагаться механизмы, управляющие выпуском шасси.

Росляков разбирался уже почти два часа, пока не убедился, что у него теперь есть представления, какая линия относится к силовой и управлению механизмами, а какая идет к датчикам автоматики и сигнализации. Ясно, что должна быть разница в сечении проводов, а если верить схеме... Черт, до чего тут холодно! А съемные панели на полу, которые ему придется снять, чтобы добраться до люка, вообще покрыты инеем.

Оставалось только надеяться, что в проводке он разобрался правильно. Теперь час на отдых, потому что предстоит вынужденное безделье. Разыскав свой багаж и убедившись, что все на месте, Росляков решил пока парашют не доставать. Для этого ему понадобится всего несколько минут. Можно ограничиться только курткой.

Через час дремота слетела с него. Внутренние часы подсказали, что пора. Посмотрев на наручные часы, Росляков полез за ножом. Теперь обнажить и те провода, и другие. Двадцать минут на эту работу, снова взгляд на часы – пожалуй, пора.

Лампочка на панели перед глазами пилота сменила цвет с зеленого на красный и замигала. Это означало, что открывается люк отсека шасси правого борта. Второй пилот доложил командиру, командир отдал распоряжение бортинженеру. Но пока тот попытался понять, что послужило причиной срабатывания сигнала, лампочка снова загорелась зеленым. Через несколько минут все повторилось, и бортинженер с хмурым лицом стал тестировать электрические цепи. По всему было понятно, что люк не открывается, но почему срабатывает сигнал?

Самописец бесстрастно фиксировал переговоры экипажа о неисправности. А потом сработал сигнал открывания люка. Это было уже из ряда вон! Командир связался с диспетчером и затребовал смену эшелона из-за угрозы нарушения герметизации салона. Диспетчер через несколько секунд разрешил спуск до шести тысяч. Но тут замигала лампочка выхода правого

шасси, и в панике переговоры с диспетчером возобновились с большим жаром. В аварийном порядке командиру разрешили через десять минут спуск до трех тысяч и возможный заход в сорокакилометровую зону ближайшего аэропорта. А это или Триполи, если позволят условия, или военный аэродром на базе французского Иностранного легиона в Айн-Салах. Современные лайнеры с выпущенными шасси не летают – опасно.

По тому, как резко его качнуло в сторону и опора на ноги ослабла, Росляков понял, что «Боинг» во второй раз меняет эшелон. Значит, еще снижение! Когда пол под ногами стабилизировался и ощущение американских горок прошло, он надел парашют и стал снимать панель пола грузового отсека. Стоя по пояс в люке и упираясь ногами в стойки шасси, Росляков старательно прикрепил к груди сумку со зловещим контейнером и спасательным комплектом. Теперь в последний раз замкнуть провода, правда, уже другие, которые идут к управлению механизмами. Не дай бог ошибиться...

Со слабым гудением, отдавая вибрацией в ноги, створки люка стали расходиться в разные стороны, обнажая далекий пейзаж африканской саванны. Пахнуло ледяным воздухом, штанины стало рвать ветром, захватило дух. Росляков поспешно поставил над головой на место тяжелую половую панель. Теперь он сидел сгорбившись на стойке шасси. Все!

С парашютом Росляков прыгал за свою жизнь всего раз пять. Он хорошо помнил первый прыжок, когда все прошло на голом энтузиазме, потому что он представления не имел, что это за ощущения. Потом был второй прыжок, когда он испытал откровенный мандраж, потому что уже знал, что его ждет за порогом люка самолета. Это был самый тяжелый прыжок, но Росляков себя преодолел. Потом было еще два, для закрепления навыков. Эти прошли полегче. А потом, лет через пять, пришлось еще прыгнуть. Это уже для того, чтобы поддержать форму. Удовольствия Росляков от прыжков не испытал ни разу. Все-таки он был человеком сугубо земным.

Удар потока воздуха был таким страшным, что Рослякову сначала показалось, что его ударило о фюзеляж самолета. На какой-то момент он подумал, что это смерть. Но потом он стал свободно падать и понял, что все еще летит с закрытыми глазами. Холод сковал все тело как стальными тисками, однако Росляков постарался принять нужную позу, чтобы прекратить бестолковое кувыркание и немного снизить скорость падения.

Ледяной воздух схватил глаза так, что полились слезы. И, кажется, они сразу замерзли на его щеках. Ветер рвал волосы, штанины, надувал куртку ледяным воздухом. Он уже не чувствовал ни рук, ни ног. Закрался страх, а сможет ли он заочеченными руками выдернуть кольцо. Захотелось поднести руки ко рту, погреть их дыханием. Это была просто паника неопытного парашютиста и не более, а с паникой Росляков умел справляться. Надо просто начинать думать о деле, о своей цели, о своих действиях.

«Наверное, достаточно», – подумал он своим замерзшим до крайности мозгом и взялся за кольцо. Рывок... и ничего не последовало! Просто какое-то шевеление за спиной... а второго запасного парашюта нет... И тут его дернуло вверх. Он просто забыл, что до момента выхода купола пройдет несколько секунд. Должен выйти вытяжной парашют, наполниться воздухом, а потом вытянуть основной. И теперь он вышел.

Лямки туго впивались в тело, и это было больно, потому что тело очень замерзло. Росляков старался без рывков, как его учили, управлять боковыми фалами. Надо определить по признакам на местности, в какую сторону дует ветер. А потом уже лавировать по ветру и выбирать место для посадки. Проклятые зонтичные акации, с ними Росляков когда-то уже познакомился. Упаси бог попасть на одно из этих деревьев. «Ага... это гора Тахат, кажется, а вон шоссе. Но нам туда не надо, – привычно мелькали в голове мысли. – Нам восточнее надо, в скалы».

Земля вдруг как будто опомнилась и стала приближаться с очень большой скоростью. Росляков только сейчас ощутил знакомый запах африканской саванны. Запах пыльной зелени, пряный запах чахлых цветов и песка. Вон она, Сахара – на севере!

– Я просто обязан сообщить местным властям о происшествии, – хмуро заявлял полковник Игнатъев во второй уже раз. – У меня два трупа местных жителей на территории лагеря. Да еще с признаками насильственной смерти. Вы что, не понимаете?

Андрей Демичев согласно кивал головой и барабанил пальцами по крышке стола.

– Да перестаньте вы стучать! – не выдержал полковник. – Вы можете мне объяснить, что тут, к лешему, произошло?

– Можем, – легко согласился Демичев и оглянулся на Максима, который все это время молча стоял в палатке за его спиной столбом. – Можем, но не имеем права.

Полковника Игнатъева, который руководил спасательными работами российского МЧС в Венесуэле, можно было понять. У него работы непочатый край, проблем выше крыши, а ответственности столько, что не приведи господь! А тут еще эти... разведка, наверное. Спрашивать не принято. Просто Игнатъев получил указание оказывать всяческую помощь конкретным людям, и все. Дело, конечно, государственное, но у него своих забот хватает.

И странные эти парни какие-то. Их товарищ пропал, пропал, надо сказать, самым загадочным образом и при весьма зловещих обстоятельствах, а они как на пикник приехали. Тот, смуглый, что стоит столбом и молчит все время, еще ничего, серьезный. Этот, светленький, с плечами атлета, все время лыбится и шуточки отпускает. Весело ему, а его товарищ, наверное, погиб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.